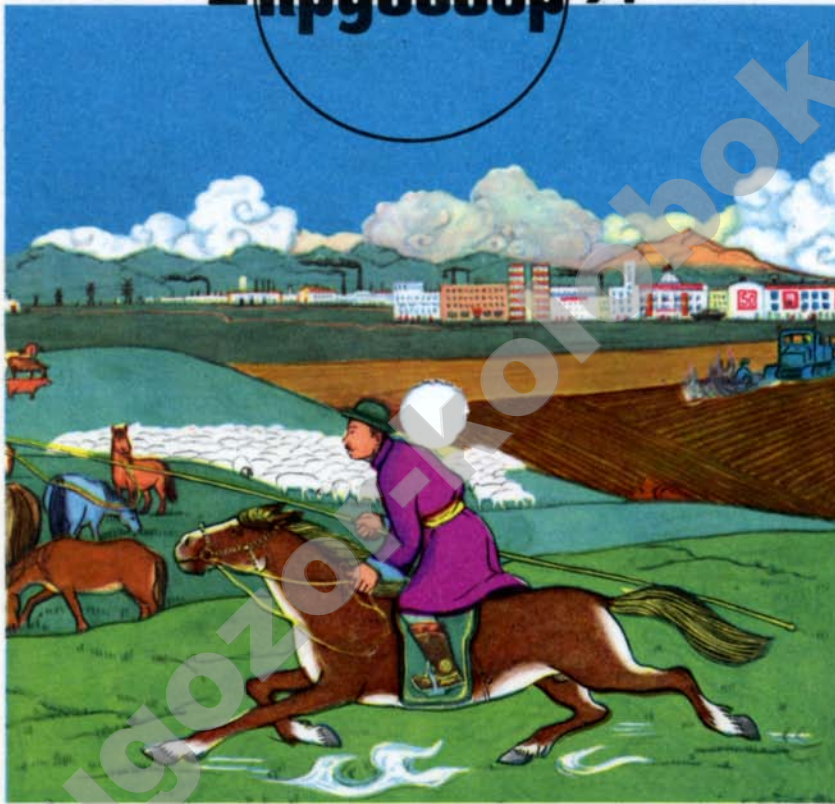

2 КРУГОЗОР 71

ЧЕРТА ХАРАКТЕРА —
МУЖЕСТВО

СНЕЖНОГОРСК: РОЖДЕНИЕ ОГНЯ

ВРЕМЯ ПРЕДЪЗДОВОСКОЕ

Первая звуковая страница нашего журнала. Прислушайтесь к голосам людей, живущих на шестьдесят восточной параллели. Они вспоминают о событии, которое однажды всколыхнуло, еще раз сплотило привычный к трудностям заполярный поселок, вобрало в себя секунды, часы, дни и ночи подлинного коллективного мужества...
...Теперь я знаю, какая зима в Снежногорске. Всего на три часа станет серым небо, и снова ночь. Качает ветер заиндевелые фонари у вытопанных в сугробе тротуаров. Рассыпает искры сварщик, словно примерзший к черно-белому, как на негативе, долериту над створами плотины ГЭС.

За пролетами моста через Хантайку привстали на вбитых в мерзлоту сваях деревянные дома, и вроде ни к чему здесь иметь холодильник, лишь сделай потоньше стенку под кухонным окном. Но хорошая хозяйка думает о жарком лете с зимы: семьсот холодильников, которые завезли сюда в навигацию, давно раскуплены. Мужественные люди сумели отвоевать у стужи, у вечной мерзлоты, у суровой природы пространство, зажгли над тундрой электрический огонь. Для этого пришлось вырубить в скале машинный зал высотой с девятиэтажный дом. В декабре прошлого года начал давать энергию второй агрегат гидростанции. Так выполнили строители одно из своих обязательств в честь партий-

ного съезда. Когда вспоминаешь на Крайнем Севере ленинские слова о значении электрификации, они звучат особенно символично.

Снежногорск. Город в возрасте дошкольника: первые его уроженцы скоро пойдут в первый класс. Город, не получивший еще официально этого титула, потому что совсем недавно оставили строители последний «двухтрубный фрегат» — так здесь называли палатки с двумя печками. Город, уже знаменитый гидроэлектростанцией, севернее которой, пожалуй, не было на земле.

Восемь лет назад, в мае 1963 года, самолет высадил на таймырской реке Хантайке десант первых строителей — всего двенадцать человек, и прозвучал впервые на этих скалистых берегах давний фронтовой лозунг: «Коммунисты — вперед!» Четыре года спустя кандидат в члены партии, лучший снежногорский водитель Владимир Шонов сбросил в кипящую воду первую глыбу камня, на котором по традиции было написано: «Мы покорим тебя, Хантайка!» Сегодня по проводам ЛЭП-220 идет на предприятия Норильска электрическая энергия Усть-Хантайской ГЭС.

— Для меня Снежногорск — кусочек земли, на котором создана новая жизнь, это эксперимент, превращенный в рядовую практику строительства в Заполярье. Это и рабочая пятилетка, выполняемая досрочно, в

Усть-Хантайская ГЭС.
Машинный зал
вырубают в скале.
Начальник стройки
В. М. Плотников.
Шофер Борис Иванов
автор песен на
звуковой странице.

июле семидесятого. Это коллективный подвиг моих товарищей, которые, пропуская паводок через недостроенную плотину или ведя проходку машинного зала внутри скалы, понимали, что ниспровергают законы классической гидротехники, но в конце концов доказали свое право на риск. — Так сказал мне Виктор Иванович Борисов, секретарь Норильского горкома партии, человек, начинавший строительство на Хантайке.

В день, когда мы покидали Снежногорск, в кабинете начальника стройки подводились недельные итоги предсъездовского соревнования — по участкам, по бригадам, по экипажам. В клубе шел фильм «Освобождение». Ожидался Норильский театр с гастрольным спектаклем. Магазин «Север» торговал солеными нежинскими огурцами. Музыкальная школа проводила юбилейный бетховенский вечер. На ГЭС готовились поставить на холостые обороты очередной гидроагрегат. Электросварщик Виктор Сенчанский в маленькой радиостудии читал свои стихи о строителях, собравшихся на перекур в подсобке и шумно спорящих о событиях, которые произошли на планете. Кончались стихи так: «Мир построен их руками — им его и обсуждать».

Б. ВАХНЮК,
специальный корреспондент «Кругозора»
Снежногорск

ГРОМО ГЛАСНАЯ МУЗЫКА

Слушайте:
марш
Преображенского
полка,
марш Печерского
полка,
марш дивизии
имени Панфилова,
марши
артиллеристов,
танкистов,
нахимовцев.

Задумывались ли вы когда-нибудь о военном марше, о силе его воздействия? Если вам не приходилось под звуки марша самим «печатать шаг» в солдатском строю, то наверняка, слушая военный оркестр, вы не раз испытывали душевный подъем, прилив бодрости, невольно развевывали плечи и, сами того не замечая, начинали шагать в маршевом ритме.

«Музыка удваивает, утраивает армию. С распущенными знаменами и громогласной музыкой взял я Измаил». В этих суворовских словах речь, конечно же, идет о марше.

И то же у Маяковского:
Все совдепы не сдвинут
армий,
если марш не дадут
музыканты.

Маршевая музыка в России имеет давние, восходящие еще к XVII веку традиции. Военные оркестры имелись уже в первых лейб-гвардейских полках — Преображенском и Семеновском, созданных Петром I в 1687 году из «потешных» войск. К началу XVIII века во многих полках были оркестры, а в 1711 году были установлены штаты военных оркестров. С этого времени оркестры — во всех полках русской армии. Сохранилось немало воспоминаний очевидцев об использовании военной музыки на полях сражений. В боях под Фридрихсдорфом (1807), на Бородинском поле (1812), под Кюрюк-Даром и при реке Альме (1854), под Плевной (русско-турецкая война 1877—1878) и Тюренчэном (1904) маршевая музыка водружала солдат, вселяла уверенность в успех.

Но военные оркестры не только мобилизовывали и объединяли солдат. Они также славят победы русского оружия. Вот почему марш становится символом боевой славы и воинской доблести. В XIX веке устанавливается традиция «закреплять» за каждой войсковой частью определенный марш, как правило, связанный с ее боевой историей. Так, «Парижский марш 1814 года», под звуки которого русские войска входили в столицу Франции, становится маршем 30-го пехотного Полтавского полка, а музыка, исполнявшаяся в 1835 году на

параде под Калишем, превращается в марш егерского Эриванского полка.

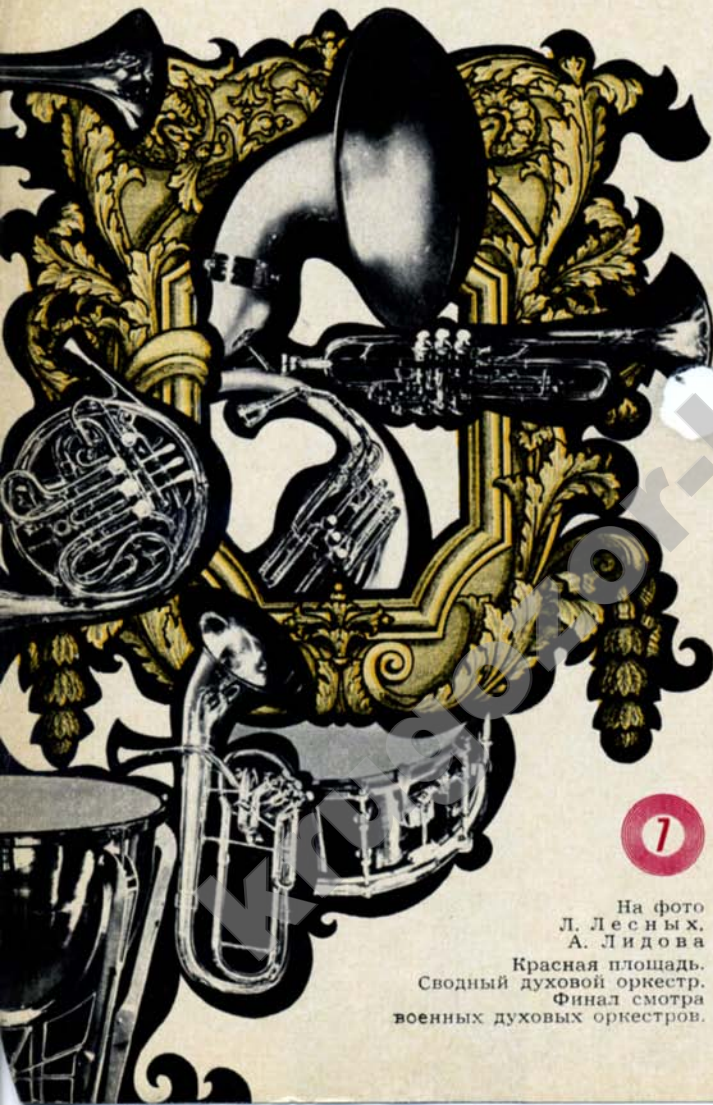
Батальон Измайловского полка, отличившийся при штурме крепости Очаков, был награжден серебряными трубами. С тех пор награждение воинских частей за боевые отличия трубами становится традицией, сохранявшейся вплоть до русско-японской войны 1904—1905 годов.

Что можно сказать о музыке русских старинных маршей? Их интонационные истоки в кантах и виватах петровской эпохи, а также в народной музыке, по преимуществу — в солдатской песне. Ярким примером может служить марш Преображенского полка, в основе которого лежит старинная солдатская песня «Славны были наши деды». Этот марш — один из старейших. Он появился, по видимому, на рубеже XVII и XVIII веков. Есть основание думать, что в те времена он был значительно короче. Средняя часть, вероятно, была добавлена в начале XIX века.

После Великой Октябрьской социалистической революции музыкальный язык военного марша обновляется. В нем звучат интонации пролетарского гимна «Интернационал», революционных песен.

В создании новых маршей для армии победившего народа принимали участие крупнейшие советские композиторы — Р. Глиэр, Н. Мясковский, С. Прокофьев, Д. Шостакович, А. Хачатурян и многие другие. Но больше всех писали в этом жанре С. Чернецкий и Н. Иванов-Радкевич.

С. Чернецкий создал свыше семидесяти маршей, из них около сорока — в годы Великой Отечественной войны. Композитор возродил давнюю традицию русской армии, посвятив многие марши военных лет частям, соединениям, родам и видам войск, покрывшим себя неуязвимой славой на полях сражений. Список этот открыли встречные марши 1-го, 2-го и 3-го гвардейских кавалерийских корпусов, а затем появились и другие: марш 1-й, марш 8-й гвардейской стрелковой дивизии, 1-й гвардейской Московской мо-

7

На фото
Л. Лесных,
А. Лидова

Красная площадь.
Сводный духовой оркестр.
Финал смотря
военных духовых оркестров.

тострелковой дивизии, «Марш танкистов». Н. Иванов-Радкевич — создатель замечательных произведений для духового оркестра в самых различных жанрах. Четыре марша, написанные им в 1942 году, — «Капитан Гастелло», «Народные мстители», «Родная Москва» и «Победный марш», — были удостоены Государственной премии. Послушайте седьмую звуковую страницу. Это короткая история русского военного марша.

Полковник В. ТУНОВ

50

В 1971 году исполняется 50 лет со дня основания Монгольской народно-революционной партии и свершения Монгольской народной революции. Победа наших друзей связана с именем В. И. Ленина. Ленинское предание о возможности некапиталистического развития отсталых в прошлом стран с помощью страны победившего пролетариата открыло перед монгольскими тружениками светлую перспективу революционной борьбы и социалистических преобразований. Под руководством марксистско-ленинской народно-революционной партии монгольский народ, опираясь на союз с первым в мире государством рабочих и крестьян, на его чистосердечную помощь, ликвидировал тяжелое наследие прошлого и ныне завершает строительство материально-технической базы социализма.

Братская дружба и всестороннее сотрудничество между нашими народами становятся все крепче. «Кругозор» рассказывает о достижениях Монголии в строительстве социализма, о дружбе наших народов.

Советские люди, встречая XXIV съезд КПСС, стремятся ознаменовать его новыми достижениями. Желаю и нашим монгольским братьям благополучия и счастья, новых трудовых успехов в славном юбилейном году.

Председатель Центрального управления Общества советско-монгольской дружбы С. ВУДЕННЫЙ, член Президиума Верховного Совета СССР, трижды Герой Советского Союза, Почетный Гражданин Улан-Батора.

Глава из повести
«За Полярной звездой»

...Легковая машина мчалась по широким улицам Красной Москвы, и перед глазами Сухэ-Батора разворачивалась панорама большого города.

Обилие красок радовало глаз, однако думы Сухэ-Батора были поглощены предстоящей встречей с человеком, образ которого он не раз представлял себе.

«Человек, который избавил мир от вековых заблуждений и повел его по справедливому пути, должен быть необычным», — думал Сухэ-Батор. Каждый раз, вспоминая все увиденное за время долгого пути из Монголии, он не переставал удивляться: как можно было соединить судьбы миллионов людей, живущих в этой стране, настолько огромной, что в то время, когда на одном краю ее восходит солнце, на другом уже наступают сумерки, и повести эти миллионы по верному пути!..

Пройдут минуты — и он наконец увидит его, услышит его голос.

Снова и снова возвращается Сухэ-Батор к тому, что он скажет при встрече.

Миновали ворота Кремля, показали пропуск, и делегатов пропустили.

Сухэ-Батор прибавил шаг. Сердце учащенно забилось, но усилием воли он успокоил себя.

Открылась дверь. Из-за стола встал энергичный, небольшого роста человек и пошел навстречу. Сухэ-Батор отдал честь по-военному, а потом, держа на вытянутых руках хадак¹, голубизной своей схожий с небом родины, подошел к Ильичу. Сложенный вдвое хадак как бы вобрал в себя все лучшее, что есть в душе монгола, его искреннюю любовь и признательность. Великий учитель! Края монгольского хадака направлены в вашу сторону, это значит, что наши сердца всегда будут исполнены благородства и открыты вам и вашему народу. Ленин принял подарок из рук гостя по-восточному, тоже двумя руками.

Сидя рядом с великим человеком, Сухэ-Батор чувствовал себя несколько смущенно, однако смотрел на него внимательно, не мигая. Одежда Ленина, лицо, рабочий стол, по обе стороны которого стояли маленькие шкафчики с книгами, плетеные стулья — все это было простым, обиденным. И тем сильнее подчеркивало величие Ленина.

Некоторые люди не только о стране своей — о семейном очаге как следует позаботиться не могут, подумал

¹ Хадак — узкий кусок шелковой ткани, которую монголы преподносят в знак дружбы и глубокого уважения.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 1921...

Лодонгийн ТУДЭВ,
секретарь Союза
писателей Монголии,
лауреат премии
Ревсомола

3

Кавалерийская
шашка
с надписью
«За храбрость»
подарена
Сухэ-Батору
М. В. Фрунзе.
Сабля эта —
экспонат
Улан-баторского
исторического
музея, как и
картина
А. Сэнгэцохио
«Встреча
Сухэ-Ватора с
В. И. Лениным».
Сухэ-Ватор —
полководец,
государственный
деятель.
Снимок
(внизу, слева)
сделан в тот
памятный день,
когда монгольскую
делегацию
принимал
В. И. Ленин.
Фото из архива
профессора
Л. Е. Верлина.

Сухэ-Батор. Этот человек мог бы употребить на пользу только себе своей выдающийся ум. Однако он пренебрег заботами о личном благополучии и всю жизнь, всего себя отдал делу человеческого счастья.

...Владимир Ильич подробно расспрашивал о победе Монгольской революции, о власти, о положении в стране, о том, что думает народ, о народной партии и народной армии.

Говоря, Ленин иногда начинал ходить по комнате, заложив за спину руки.

Иногда он опирался на стол и говорил, внимательно глядя на делегатов.

— Меня очень радовали сообщения о положении в Монголии, которые я периодически получал. А сейчас особенно приятно услышать все из уст полномочных представителей. Завоевать свободу — дело исключительно трудное. Я сам участвую в революционном движении тридцать лет и по личному опыту знаю, как трудно любому народу освободиться от своих внешних и внутренних поработителей. Вы не должны успокаиваться на достигнутом.

Нужно крепить партийные ряды, совершенствовать выучку народной армии и приложить много сил и умения для защиты уже завоеванного. Самое главное, что вы закрепили свои успехи созданием народно-революционной партии.

— Не следует ли народно-революционной партии превратиться в коммунистическую?

Владимир Ильич ответил:

— Я этого не рекомендую, так как «превратиться» одной партии в другую нельзя. Монгольским революционерам надо будет много поработать над своим государственным, хозяйственным и культурным строительством, пока из пастушеских элементов создастся пролетарская масса, которая впоследствии поможет «превращению» народно-революционной партии в партию коммунистическую. Простая же перемена вывески вредна и опасна.

— Одержит ли победу наше освободительное движение?

— Напомню еще раз, что избавление любого народа от внешних и внутренних поработителей — трудное дело. После избавления от них такой отсталой кочевой стране, как Монголия, в особенности будет нелегко встать вровень со многими европейскими странами по уровню своего развития. Что касается нас, Россия оказывает вам помощь... Мы и в будущем будем помогать вам поднимать общий культурный и образовательный уровень народа. Остальные страны с помощью пролетариата передовых стран смогут перейти к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития. Поэтому единственно правильный путь для вашей страны — борьба за государственную и хозяйственную независи-

мость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России. Ныне, заключив между нашими странами дружественный договор, мы полностью аннулируем договоры, которые царское правительство, исходя из своей захватнической, корыстной политики, заключило с правительством автономной Монголии.

В глазах Сухэ-Батора отразилось удивление и радость. «Монголия должна была уплатить царю 5 миллионов рублей долга, — думал он, — а Советское правительство отказалось от этой огромной суммы. И ведь каждый знает, в каком тяжелом положении находится сейчас Россия. И в такое время отказаться от долга! Какое величие души, какое благородство характера!..»

— Мы заключим двусторонний равноправный и взаимовыгодный договор. После этого обе стороны — русская и монгольская — должны быть добрыми соседями в своих межгосударственных связях и добрыми друзьями в практике повседневных отношений, — закончил Владимир Ильич.

Самый лучший из людей — вождь Ленин протянул руку Сухэ-Батору. История увидела это рукопожатие. И история не увидит, чтобы оно разомкнулось.

Перевел с монгольского
Анатолий Кудияров.

Рассказывает
ректор Монгольского университета.
Председатель
Великого Народного хурала
профессор
Д. ЦЭВЭГМИД

В СЮ ЖИЗНЬ- ВАРША

Еще не взошло солнце, а пастух уже бредет за стадом. Так и я, пока не высухала роса, выходил из юрты, клал за пазуху ааруул — несколько комков сушеного молока — и на весь день уходил к отаре.

Мальчику все интересно. Огненный круг солнца. Жаворонок поет, трепещет над головой. Над кучкой сухой травы — собирает на зиму запасы — столбиком стоит пищуха, маленький земляной зайчик, и пронзительно, весело свистит. Кажется, спрашивает: «Эй, пастушок, куда идешь?»

Откуда пастуху было знать, что через двадцать лет его кандидатская диссертация будет посвящена пищухе!.. В 1945 году я получил диплом Московского университета, и мой руководитель предложил тему диссертации: «Сравнительный эколого-морфологический анализ двупарных резцовых Монголии».

...В четырнадцать лет я окончил школу, работал писарем, потом приехал в Улан-Батор и поступил в педучилище. Срок обучения тогда был небольшим — пять месяцев, и вот пятнадцать лет от роду, с 26 марта 1930 года, я стал учителем.

В те годы Улан-Батор походил на стан кочевников: маленькие дома с печным отоплением, монастыри. Там, где сейчас Монгольский университет, находился монастырь. И свою преподавательскую деятельность я начал со школы, в которую принимали молодых лам.

Я преподавал естествознание, вел пропаганду среди лам. Но сначала их нужно было собрать... У меня был велосипед, и ламы очень им интересовались. Они спрашивали: «Откуда у

Сегодня до этого места из Улан-Батора можно добраться за два дня на «газике», на самолете — за четыре часа, а на реактивном — за два.

По дороге, помню, мы встретились с небольшой труппой артистов цирка из Советского Союза. Это было в степи. Советские артисты показали нам несколько номеров. Но у них случилось несчастье: внезапно заболел их товарищ. Мы постарались на телеге перевезти больного до ближайшего населенного пункта, но болезнь прогрессировала. Мы похоронили товарища на вершине горы. И теперь, когда я проезжаю мимо тех мест, я вспоминаю первого артиста из Союза.

Школа разместилась в юрте. Бумаги не было; мы вырезали из дерева небольшие дощечки, натрали их маслом, а на масло тонким слоем насыпали золу. И вот на этих дощечках ученики писали свои первые буквы. Заболел ученик. В те годы к врачам не обращались, а шли к ламам и шаманам. Случай был тяжелый, и мы уговорили родителей позвать русского врача, который работал в наших

местах. Мальчика спасли, а мы познакомились с врачом. Он-то и сделал нам бесценный подарок: 50 школьных тетрадей и 25 карандашей. Это было огромное богатство. Каждый карандаш мы разрезали пополам и веревочкой прикрепили к тетради.

Пятьдесят тетрадей в то время — это огромная помощь в деле просвещения народа. А сейчас у нас в университете стоит нейтронный генератор — тоже подарок советского народа. Надо сказать и о том, что университет был открыт в 1942 году, в тяжелейшее военное время, но, несмотря на это, советские ученые приехали к нам с оборудованием, с книгами.

Когда я преподавал в Западной Монголии, то старался как-то развлекать

Улан-Батор — город студенческий. Каждый сотый житель страны — студент.

В этом году в Монгольской Народной Республике начался переход ко всеобщему среднему образованию.

тебя велосипед?» Я рассказывал о городах, о том, что земля большая, что есть океаны и моря, что в городах заводы, которые делают разные вещи, в том числе и велосипеды. И, может быть, именно любопытство привело лам в школу: к началу занятий собралось около четырехсот человек. В 1931 году меня отправили на преподавательскую работу в Западную Монголию. Машина была без кузова, а у колес деревянные спицы. Мы, молодые учителя, сели на доски, привязались к раме и четыреста километров ехали семь дней. А потом разлились реки, машина не пошла, мы добирались на лошадях, на верблюдах, на телеге, а иногда и пешком. Путешествие продлилось 44 дня.

своих учеников. Книг не было, и вот тут начал я писать. Рассказы были о том, что я видел. Первое мое сочинение «Сироты» — что-то вроде либретто оперы в двух действиях.

Пьеса, конечно, не сохранилась, но к писанию я пристрастился и позже выпустил несколько сборников повестей и рассказов.

Итогом научных экспедиций стала книга «Заалтайские пустыни». Сейчас я хочу написать книгу «Крупные животные Монголии». Время для этого выкроить трудно, но исследователь должен найти его, чтобы передать те знания, которыми он владеет.

Всю жизнь я багша, учитель. И на посту ректора считаю себя багшой.

В ОДНО ИЗ ВОСКРЕСЕНИЙ ПЯТИЛЕТКИ

С. ЗИНИН,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Фото автора.

2

Товарищ Цеденбал назначил встречу с корреспондентом «Кругозора» на воскресенье. Почти каждый вечер можно было видеть, что в окнах кабинета Первого секретаря ЦК МНРП, Председателя Совета Министров Монгольской Народной Республики, в широких окнах, выходящих на центральную площадь Улан-Батора, допоздна горел свет.

— Год, пятилетка кончаются, — сказал товарищ Цеденбал, — поэтому не один я сегодня работаю, трудится и Госплан. Только мы сели, вошла пожилая женщина в синем дэли и внесла чайные чашки и сигареты. Вспомнился прекрасный старинный обычай, свято чтимый и до сих пор: в юрте гостя сначала поят чаем, угощают трубною, а уж потом задают все вопросы. Товарищ Цеденбал расспросил, что довелось увидеть журналистам в Монголии. — Я, например, стараюсь каждый раз выбирать неизвестный маршрут. Ездить приходится много. В 1956 году, помню, проехал на машине пять с половиной тысяч километров, в 1968-м —

три с половиной. Три тысячи — это лишь средняя командировка... Видимо, дата — 1968 год — натолкнула память на редкий случай. В ту зиму был цаган дзуд — белый падеж. Прошли обильные снегопады, и ослабевший скот не смог достать траву. — Старик, — продолжал Цеденбал, — такой зимы не помнили уже полвека. Морозы доходили до пятидесяти градусов.

Проблема животноводства — одна из основных, которой уделяет внимание товарищ Цеденбал. Верхняя книга в стопке на его письменном столе — монография профессора С. Я. Дудина «Мясное скотоводство».

В рабочем кабинете товарища Цеденбала обращает на себя внимание латунная модель советского танка Т-34 и слоновый бивень с вырезанной cepпичной архаров, джейранов, оленей, редких животных Монголии. Бивень укреплен на подставке из норной саксаула. Пустынный житель южных районов саксаул и прекрасные животные, обитающие в основном в северных зонах, сошлись под рукой народного умельца и как бы символизируют природу Монголии. И может быть, именно потому так любит эту замысловатую вещь ее хозяин...

На латунной модели Т-34 прикреплена табличка: «Дорогому нашему другу товарищу Цеденбалу от танкового полка «Революционная Монголия». История этого полка, танки которого были построены на средства, собранные монгольскими трудящимися, широко известна: полк дошел до Берлина и окончил войну в саду имперской канцелярии. Модель танка напоминает и давнюю воинскую страничку биографии товарища Цеденбала. 1945 год. Разгром Квантунской армии. Прорыв через пески Гоби конно-механизированной группы советско-монгольских войск. Генеральный секретарь ЦК МНРП генерал-лейтенант Юмжагийн Цеденбал на передовом участке борьбы... Самолет, на котором летел товарищ Ю. Цеденбал, потерпел аварию. Один из советских военачальников так описывает этот случай: «Втроем (летчик, Ю. Цеденбал и его адъютант.— С. З.) они взялись за хвост самолета и под «раздва, взяли!» атаковали на холм. И взлет с разбегу под гору и сам полет в неисправном само-

Цеденбал
19.10.70.
Г. Улан-Батор.

лете на высоте телеграфных столбов были сопряжены с серьезной опасностью. К счастью, все обошлось благополучно.

Товарищ Цеденбал родился в 1916 году. Революция 1921 года повернула судьбу сына арата-бедняка из Западной Монголии. Юность товарища Цеденбалы представляется типичной для его сверстников: школа, Революция, учеба в вузе, вступление в МНРП.

По образованию Ю. Цеденбал — экономист. В 1939 году он работает заместителем министра финансов, на состоявшемся в 1940 году X съезде избирается членом ЦК, а на Пленуме — членом Президиума ЦК и Генеральным секретарем ЦК МНРП. Годы послевоенного строительства в Монголии. С мая 1952 года товарищ Цеденбал — Председатель Совета Министров республики, а с 1958 года — Первый секретарь ЦК МНРП и глава правительства.

...За окном шумит воскресный Улан-Батор. На площади, которая наречена именем Сухэ-Батора, пятьдесят лет назад была провозглашена победа народа. Но и площадь была другая. И другой был город.

Товарищ Цеденбал подчеркнул большой вклад советских специалистов в строительство Улан-Батора, как и Дархана, как и многих промышленных объектов.

«Советский Союз, — говорил товарищ Цеденбал на Международном Советании коммунистических и рабочих партий в 1969 году в Москве, — является главной силой мирового социализма и могучим оплотом революционного движения современности. В нынешней сложной международной обстановке ленинская партия и Советское государство показывают пример высокого сознания ответственности перед международным революционным движением, безаветной верности интернациональному долгу...»

Товарищ Цеденбал представлял МНР на заседании Совета Безопасности по приему Монголии в члены ООН, выступал на Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже, участвовал в Советаниях представителей коммунистических и рабочих партий в 1957, 1960 годах в Москве.

— Сейчас, — говорит товарищ Цеденбал, — к 50-летию народной революции советские специалисты в разных местах Монголии строят много нового. Например, возводятся школы и интернаты в Далан-Дзадагаде. Это вдали от производственных баз, от железных дорог, транспорт только автомобильный. Но, осозная трудность работы, именно в этих стройках наш народ видит проявление дружбы великой Страны Советов. И трудящиеся МНР благодарны своим советским братьям за искреннюю дружбу, братство, всестороннюю поддержку и помощь в созидании нового общества.

П. ПУРЭВСУРЭН

ДОРОГА-СОЛДАТ

Дорога белая в степи просторной
пролегла —
Ее рукою твердой прочеркнули,
Она пологие холмы, как сабля,
Перелетела степь подобно пуле.

Когда изранена была спина родной
земли
Шершавых траков танковым раскатом,
Когда здесь радость с гордостью
в обнимку рядом шли
Тогда, весной, в тридцать девятом.

И бесконечные войска десятков дней
подряд
Шагали в клубах красной пыли —
Тогда остался здесь в степи прямой
солдатский тракт.
Степные травы и польны его щадили.

Как воля тех, кто спас свой край,
над степью золотой
Солдат-дорога мчит крылато.
Соединились навсегда и схожи
прямой
Дорога, пуля и душа солдата.

Ц. ЦЭДЭНЖАВ

РУЧЕЕК ЛЕТОМ

Сверкая, течет между грубых камней
Негромкий, недлинный прозрачный
ручей.
Там в травах подонных — рыбье
жилье,
А в талах прибрежных гнусит
комарье.

Быки по колено в иле густом
Рога накрывают и машут хвостом.
По берегу рядом бегут малыши
И мечут с разбега в ручей голыши.

Заботливо подняты крылья шатра,
Чтоб тех, кто в шатре, не томила
жара.
К телеге привязан задумчивый вол,
Стреноженный конь загляделся на
дол.

Врыт в землю округлый чугунный
котел.
Хозяйка под ним разжигает костер.
Не знаю, откуда едет семья,
Но ей хорошо отдохнуть у ручья.

Поводья оттянуты к луке седла,
Но конь в нетерпенье грызет удила,
Он роет копытом, ушами прыдет:
Когда уж хозяин поест и придет?

Течет ручеек, журчит, как всегда.
Приходит к нему пастухи и стада.
И нет происшествий у тихих излуч,
Но все хорошеет природа вокруг.

Перевел с монгольского
Д. Самойлов

Д. НЯМАА

Скоро сына первого рожать.
Симпатичный вышел бы малец,
если б стал таким же, как отец!

Скоро дочку мне родит жена.
Симпатичной вышла бы она,
если походила бы на мать!

СТАРИК МОНГОЛ

Узда — натянутой струной.
Удила
высканивают изо рта.
Играет мордой конь степной —
вся масть его,
вся красота.

Словно горный орел в своем гнезде,
столетний старик в седле своем,
и рука его

лежит на узде,
когтяк оком.
Подбоченился
и в седле привстал,
и взлетит,
как орел никогда
не взлетал

ЧЕЛОВЕК НУЖДАЕТСЯ В ЛЮБВИ

Человек нуждается в любви.
Завещая мне свою любовь,
умирающий отец сказал:
«Сохрани ее, мой сын.
Человеку без любви нельзя».

Час придет отсюда уходить,
я любви с собою не возьму,
но оставлю сыну моему
и снажу ему:

«Храни любовь.
Человеку без нее нельзя».

Перевел с монгольского
Б. Слуцкий.

И. А. ЕФРЕМОВ

КРАСКИ ВЕЛИКОЙ ГОБИ

4

Известный советский писатель, профессор-палеонтолог И. А. Ефремов, побывавший с экспедициями в Монголии в 1946—1949 годах, делится своими впечатлениями о знаменитой и легендарной Гоби. На ледом снимке — один из лучших чабанов Монголии, Ж. Жамбал, из сомона Хан-Вогд Южно-Гобийского аймака. Ему же посвящена и песня-репортаж на четвертой звуковой странице.

Гоби, или Шамо, у старых географов — собирательное название громадной области высокогорных полупустынь, занимающих центр материка Азии. Большая часть Гоби лежит в пределах Монгольской Народной Республики, где я познакомился с нею. Не вся Монголия — Гоби. В этой просторной стране на севере немало лесов, лесостепей и равнинистых степей Хангая и Хентая, с озерами и реками, очень похожими на соседнее Забайкалье и Бурятию.

Хотя монгольская поговорка «лучше быть хангайским быком, чем гобийским человеком» отражает преимущества жизни на привольных пастбищах севера республики, все же истинное лицо Монголии — это именно Гоби. Скажу больше, Гоби — лицо всей высокой Азии, сухой, каменной, солнечной, раскинувшейся под чистейшим небом, слепяще ярким днем, глубоким и звездным ночью. Ветер, суровый и ободряющий, вечно шелестит, звенит и шумит жесткими травами, кустарниками и редкими рощами — оазисами коренастых, твердых, как сам камень, деревьев.

В Гоби мало песков, гораздо больше камня. Высокие холмы барханов тянутся полосами между параллельными горными хребтами по направлению наиболее сильных ветров. Каменные массы, округленные, ступенчатые или иззубренные, точно гигантские пилы, покрыты блестящей черной коркой, называемой геологами «пустынным загаром». Они выглядят грозно для путника и заманчиво для исследователя. Широко раскрыта здесь для глаз человека земная кора.

не требуется мощной техники, чтобы пройтись в тайне ее странных. Низкие камни и стены располагаются во все стороны и рассылают на отдаленные слои силы выветривания. «Пости Матери» — так называли древние греки большие камни, подражавшая под Матерью всю планету, Гюю-Землю, всепринимательную и всепрощающую.

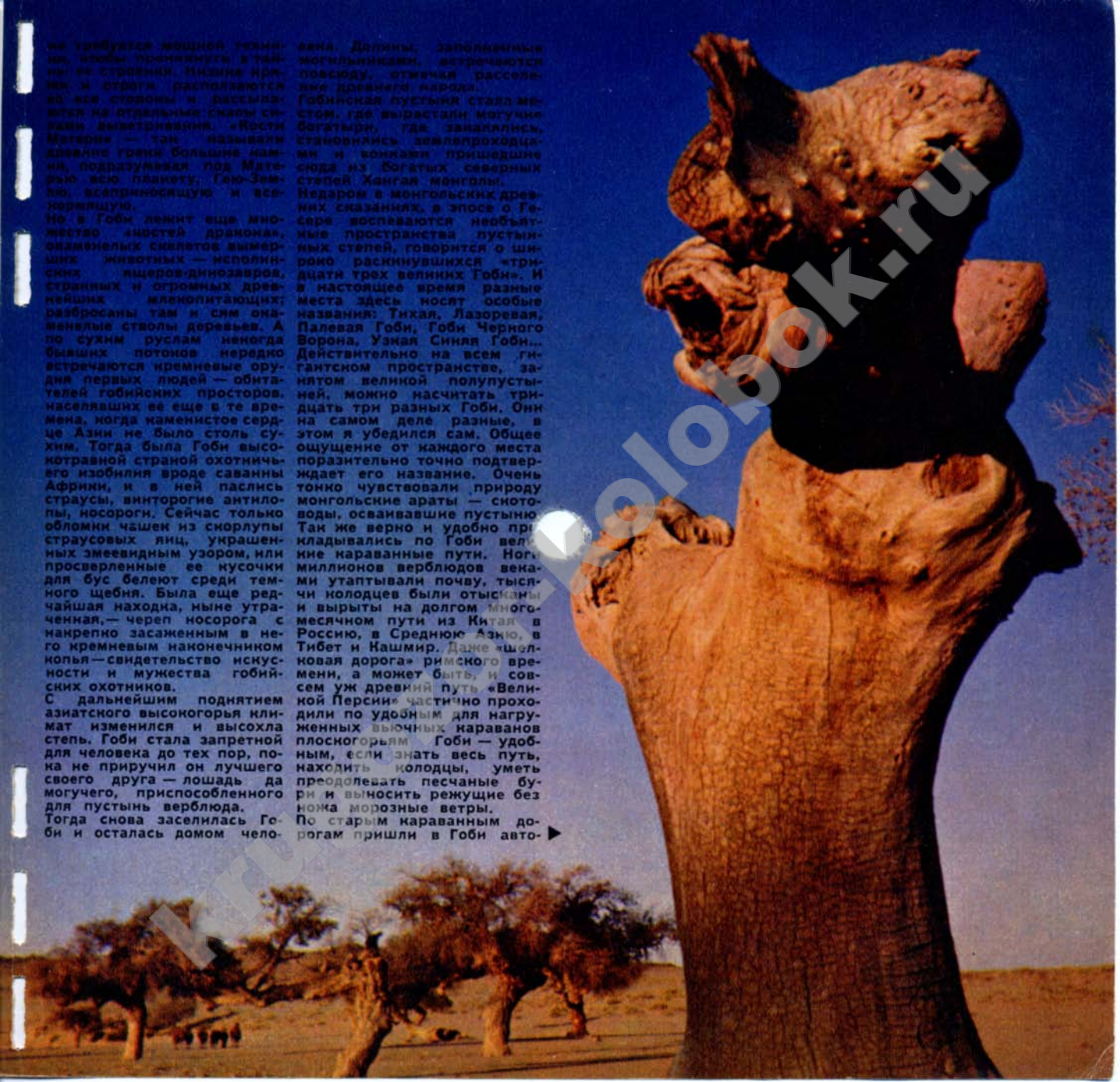
Но в Гоби лежит еще множество «местей дракона», окаменелых скелетов вымерших животных — исполинских ящеров-динозавров, странных и огромных древнейших млекопитающих; разбросаны там и сям окаменевшие стволы деревьев. А по сухим руслам некогда бывших потоков нередко встречаются кремневые орудия первых людей — обитателей гобийских просторов, населявших ее еще в те времена, когда каменное сердце Азии не было столь сухим. Тогда была Гоби высокоотравной страной охотничьего изобилия вроде саванны Африки, и в ней паслись страусы, винторогие антилопы, носороги. Сейчас только обломки чашек из спорлуны страусовых яиц, украшенных змеевидным узором, или просверленные ее кусочки для бус белеют среди темного щебня. Была еще редчайшая находка, ныне утраченная, — череп носорога с накрепко засаженным в него кремневым наконечником ноля — свидетельство искусства и мужества гобийских охотников.

С дальнейшим поднятием азиатского высокогорья климат изменился и высохла степь. Гоби стала запретной для человека до тех пор, пока не приручил он лучшего своего друга — лошадь да могучего, приспособленного для пустынь верблюда. Тогда снова заселилась Гоби и осталась домом чело-

века. Долины, заполненные могильниками, встречаются повсюду, отмечая расселение древнего народа.

Гобийская пустыня стала местом, где вырастали могучие богатыри, где задалались, становились землепроходцами и конками Пришедшие сюда из богатых северных степей Хангай монголы.

Недаром в монгольских древних сказаниях, в эпосе о Гесере вспоминаются лебятинные пространства пустынных степей, говорится о широко раскинувшихся «тридцати трех великих Гоби». И в настоящее время места здесь носят особые названия: Тихая, Лазоревая, Палевая Гоби, Гоби Черного Ворона, Узкая Сияя Гоби... Действительно на всем гигантском пространстве, занятом великой полупустыней, можно насчитать тридцать три разных Гоби. Они на самом деле разные, в этом я убедился сам. Общее ощущение от каждого места поразительно точно подтверждает его название. Очень тонко чувствовали природу монгольские араты — скотоводы, осваивавшие пустыню. Так же верно и удобно прикладывались по Гоби великие караванные пути. Ноги миллионов верблюдов веками утаптывали почву, тысячи колодцев были отысканы и вырыты на долгом многомесячном пути из Китая в Россию, в Среднюю Азию, в Тибет и Кашмир. Даже «шелковая дорога» римского времени, а может быть, и совсем уж древний путь «Великой Персии» частично проходили по удобным для нагруженных вьючных караванов плоскогорьям Гоби — удобным, если знать весь путь, находить колодцы, уметь преодолевать песчаные бури и выносить режущие без ножа морозные ветры. По старым караванным дорогам пришли в Гоби авто-

Еще одна новая примета Гоби. Вместе со «стальным конем» — автоматической — пришел и другой работник...

мобили. Пути многомесячной протяженности сократились до недолгих поездов, а могучие грузовики с большим запасом воды и горючего стали подлинными лайнерами пустыни в сравнении с испытанными ее «норавлями» — верблюдами.

И все же скитания по этим старым дорогам особенно роднят человека с пустыней. Не скрою, что при ночевках у тускло горящего сансаульного костра, когда океан первобытной тьмы обступает путешественника на сотни километров вокруг, а сверху горит звездная бездна, такая близкая, какая бывает только здесь, я не раз мечтал побывать старым каранщиком. Пройти всю Гоби неспешной поступью, раздумывая, примечая и запоминая то, что в напряженной спешке и суете жизни проходит мимо, ничем не обогащая душу.

На этих ночевках не раз приходили мысли о том, что монгольская Гоби когда-нибудь станет местом отдыха, сосредоточения и уединения. Будет исцелять и ободрять людей своей отрешенностью, чистотой и удивительной силой красок ее природы, столь верно отраженных живописью Рериха, а ныне и современных монгольских художников, таких, как Сэнгэцохи или Аварзэд.

Гоби — драгоценность, которая послужит всему человечеству. Вместо когда-то бывших здесь монастырей мы увидим замечательные здания для сосредоточения художников, ученых и музыкантов, отдыха утомленных, утешения испытавших тяжелые удары судьбы.

Я, пожалуй, последний ученый, видевший целый табун диких лошадей Пржевальского на воле в Черной Гоби с расстояния нескольких метров, — уверен в этом!

Дмитрий ГОЛУБКОВ

И откровенней и пустыней
Раздвинувшийся окоем.
Граница вкрадчивого инея
По травмам стелется ничком:
Вчера лишь из оврага выползла,
А нынче, вкрадчиво светла,
Дошла до Глебовского выпаса
И зелень озми ожгла.
И лету вслед взглянуть посмевшая,
Как будто Лотова жена,
Стоит береза онемевшая,
В столп ледяной обращена.
И лишь тропинка-перебежница,
Оттаявшая на бугре,
Голубизною больно блещется
В курчавом тусклом серебре.
Пойду на станцию угрюмую,
Под расписанием притуюсь.
И всю тебя опять обдумаю
И, может быть, опять влюблюсь...

Римма КАЗАКОВА

Когда все врозь, и только взгляды —
еще ничем не смущены —
на чем-то, что вдали иль рядом,
впервые вдруг совмещены,
что возвратит предмет бесстрастный
глазам, прикованным к нему,
что сообщит двум взглядам разным,
двум непохожим «почему»?
Что там слилось на том заборе,
на ветке, шпиле или пне?
Две радости — или два горя,
себя осуществив вдвойне
Что там во взгляде взгляд пленило,
что вместе там пленило их?
Или спокойно и лениво

втекут назад в глаза двоих?
Два взгляда вместе, что за малость! —
Не напролом, не напрямик...
Так мало надо, чтоб сломалось
единство, втиснутое в миг.
Но если все ж оно застрянет
в тебе и если вдруг поймешь,
что ветка, шпиль, скамейка ранят,
что ранит добрый летний дождь,
что в безобидности предмета
живет щемящая печаль, —
беги! И не ищи ответа.

И ни на что не отвечай.

Петр ВЕГИН

Очень люблю снег —
кристаллизованную чистоту
русской речи,
но больше люблю цветы,
напоминающие о позах,
ушедших в землю
выращивать эти цветы,
очень люблю сад — ночной разговор
листвы о зрелости
и ньютоновский стук яблок о землю,
но больше люблю лес —
вертикальное уравнение земли и неба,
очень люблю море
в его безумном желании
вернуть себе Афродиту,
но больше люблю небо
с отпечатками крыльев Икара,
очень люблю собак —
они все знают о людях,
но еще больше музыку —
она умеет то, что неподвластно мне,
очень люблю музыку,
но еще больше людей...

Ирина СНЕГОВА

Лето солнцем прослоено,
Как малиной пирог.
В каждом лете по-своему
Сладок дух, сытен сок.
В этом — забыется, нижется,
Льнет, по жилкам течет...
Это лето запишется
Нам в особенный счет.
Неоплатный, над сметами,
Сверхположенный свет.
Жизнь и меряют летам...
Лет тебе, многих лет!

ЗНАКОМСТВА

Блестящих скрипачей много, но очень редко о ком-либо из молодых услышишь: «Это очень серьезный музыкант».

Именно так говорят о 24-летнем рижанине Филиппе Хиршхорне.

В девятнадцать лет он завоевал серебряную медаль в Генуе на конкурсе имени Паганини. Специалисты, анализируя его игру, отмечали: «Это один из лучших исполнителей Паганини...»

Спустя два года, когда Хиршхорн выступил с «Цыганкой» Равеля, его стали называть одним из лучших интерпретаторов Равеля. Золотая медаль в Брюсселе на конкурсе имени королевы Елизаветы подтвердила основательность высокой оценки. Тогда Хиршхорну исполнился двадцать один год. Он гастролировал в Голландии, Италии, Люксембурге, Англии, Бельгии. Газеты писали о его необычайной технике, глубокой музыкальности и своеобразии.

А потом Филипп Хиршхорн неожиданно замолчал. Концерты его стали редкими. Его охватило давнее сомнение: что для него ближе — скрипка или фортепиано? Вопрос не случайный. К фортепиано он рвался с детства и даже сейчас, приступая к бетховенским скрипичным сонатам, начинает работу не со скрипичной, а с фортепианной партии.

Временное «молчание» было переосмыслением сделанного. Так бывает, когда ученик, взяв у своих учителей лучшее, становится самостоятельным. Хиршхорна учили в Ленинграде Михаил Вайман, в Риге — Витол Стуресте, но он хотел найти свой собственный почерк. Школа дала ему солидную базу. Остальное зависело от него. И последние концерты показали, что он не «физик» и не «лирик» в музыке (есть такое деление), не только

СКРИПАЧ

ФИЛИПП ХИРШХОРН

превосходный исполнитель Паганини или Равеля, а музыкант, которому доступно очень многое.

Неопытные слушатели полагают, что звук скрипки зависит лишь от инструмента, от самой скрипки. Более опытные считают, что звук — это достижение школы. Да, конечно, важен инструмент, важна школа, но свечение мелодии в скрипичном звуке, его сила и красота зависят прежде всего от эмоционального состояния музыканта. У Хиршхорна скрипка звучит так, что даже виртуозные пьесы (скажем, 24 каприса Паганини) становятся острыми зарисовками человеческих настроений и состояний. И романтическая красота концерта Мендельсона обретает у него мужество и волю, даже героизм. И в огненных всполохах «Цыганки» Равеля не экзальтация, а сильное, деятельное начало. Поэтому концерты молодого скрипача становятся событием в музыкальной жизни.

В заполненный до отказа концертный зал на Рижском взморье вместились еще около пятисот обладателей «входных» билетов, а на парапетах и у входа в зал толпились те, кому не повезло: такого Мендельсона, как у Хиршхорна, услышишь не часто... И оттого, быть может, так волнуется скрипач перед выступлениями. «Выходя к публике, — говорит Хиршхорн, — задаю себе вопрос, как Винни-Пух: я победю! или побеждю!..»

В последнее время появилось много молодых скрипачей высшего класса. И естественно, между ними идет негласное соревнование. И слушатели присматриваются к ним, пытаются угадать, кто же будет лучшим.

Я уверена, что имя Филиппа Хиршхорна надолго утвердилось на концертных афишах. Доказательства? Послушайте шестую звуковую страницу.

Наталья ЛАГИНА

Э. ОЮУН,
народная артистка МНР,
лауреат
Государственной премии

ШЕШЬ

Театр — мой дом и семья. Он привил мне любовь к родной природе. С актрисами я объездила все наши аймаки. И вот мы в Гоби, с фантастикой ее миражей и лунного света. Там надо слушать нашу песню. В ней — первооснова наших зрелищ.

С XVI века, когда Монголия попала в сети ламаизма, народные зрелища подвергались преследованию. И до самого тысяча девятьсот двадцать первого, до народной революции, театр был под запретом. Гонимое искусство скрылось в глухих районах. Его следы обнаружались, в частности, на юго-востоке, где до 1911 года шел спектакль «Лунная кукушка». Сцена — трехэтажная. На верхнем этаже, в облатках из надутых раскрашенных бараньих желудков, двигались и говорили боги. Посредине показывали ханов и князей. А на нижнем — изображались простолюдины; тут можно было увидеть сценки из народной жизни. Текст сплошь импровизировался, разумеется, в рамках традиционного действия.

Я родилась в 1918 году. Отец работал учителем, мать — бухгалтером.

Импровизация характерна для самодеятельных кружков первых лет на-

родной власти. Положим, актеры хотели высмеять монаха, купца, феодала; они просто уславливались о сюжете: «Знахарь-монах отбирает у арата скот и колыца, обещает вылечить ребенка, а ребенок умирает». Агитационное воздействие такого театра на аудиторию было огромно. Не забудьте, в 1921 году почти весь наш народ не умел читать и писать.

После школы я получила направление на рабфак в Улан-Удэ, прошла курс за один год и, вернувшись в Монголию, занялась переводами. Вскоре попросилась в театр. И вот в году тридцать шестом наш режиссер и драматург Аюуш сказал мне: «А что, если тебе перевести Гоголя?..» Каким, должно быть, отчаянным человеком была я тогда! Я погрузилась на много месяцев в словари, и однажды «Ревизор» зазвучал на монгольском языке.

Можно представить себе, сколь трудно пришлось тем из актеров, кого приняли в первую театральную студию, руководимую советским режиссером А. А. Ефремовым. Он «привез» нам систему Станиславского. Через два года после начала его работы, в 1931 году, в здании, похожем на огромную юрту, пьесой «Правда» открылся первый сезон Государствен-

МОНГОЛА

В концертных программах Улан-Батора: выступление пианистки и ансамбля электромусыкальных инструментов, сцены из балетов, дебют юных музыкантов, играющих на народном инструменте ятге. Древнее искусство моринхуристов из Хан-Богда.

ного театра. Одна из популярнейших монгольских пьес той поры рассказывала о судьбе гобийской девушки Гундермы, которая осмелилась вырваться из родительского дома вопреки угрозам и запретам и уйти к новой жизни, к знаниям.

Со временем мне стало не хватать образования, я окончила заочно университет, ватем аспирантуру в ГИТИСе и защитила диссертацию о народных истоках театрального искусства монголов.

...Менялась страна, а вместе с ней культура, театр. Юртообразный театр уступил место современному зданию. Импровизированная постановка давно сменилась драматургией в общепринятом значении слова, а бурлескная, буфоннадная плакатность разоблачительных пьес перешла в более сложный, глубокий показ жизни и человеческого духа. Наш зритель увидел Гоголя, Мольера, Гольдони, советскую классику от «Платона Кречета» Корнейчука до асафьевского «Бахчисарайского фонтана» и пьес Симонова и Лавренева, он увидел монгольскую драму Намдака, Ядамсурэна и других. Это было становлением не только театра, но и зрителя, перед которым открылись невиданные ранее горизон-

ты социалистической культуры. Появилась почти вся гамма театральных и музыкальных жанров: опера, балет, цирк, народные ансамбли, детские и кукольные труппы, симфонический оркестр, джаз. Бурный процесс развития «вширь» потребовал от монгольских актеров и режиссеров более «исследовательского» ранурса в работе, соединения темперамента с глубиной поиска.

В этом поиске и экспериментировании постоянно присутствует общий знаменатель всех наших искусств — музыка.

Ей и посвящена звуковая страница.

На звуковой странице:
Монгольские народные песни.
Опера «Среди печальных гор».
Музыка праздника «Наадам».
Запись горлового пения.

слушайте

В

номере

2(83) февраль 1971
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
год основания — 1964

1. Черта характера — мужество. «Пусть нас птицы в дорогу не кличут». Подвиг на 68-й параллели.

2. У микрофона «Кругозора» — Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР товарищ Ю. Цеденбал.

3. «Красный герой». Страницы биографии Сухэ-Батора.

4. «Мой дом — любовь моя...». Песня-репортаж из пустыни Гоби.

5. Песнь свободного арата. Из энциклопедии народной музыки. Комментирует народная артистка МНР Оюун.

6. Знакомства. Скрипач Филипп Хиршхорн. В программе: Равель, Паганини, Барток.

7. Парад старинных и современных военных маршей.

8. Первая пластинка. Поэт Ж. Бичевская: «Частушка», «Ой, мне малым мало спалось», «Куманек».

9—10. Гости московской эстрады. Карел Готт, Тереза Тутинас, Рашид Бейбутов, ансамбль «Цицинатела», Мичел, Анн Корди.

11. Песенные премьеры. Г. Подельский, Т. Волобаева. «О песня, русская, родная»; О. Фельцман, Н. Олев. «Сезон дождей». Поют Г. Ненашева, М. Магомаев.

12. Эстрада планеты. Международные дебюты певиц Цэцгэ и Рэнцэнханд: «Студенческая», «Прекрасный Сочи» (композитор Алтанхойг), «Наша песня» (композитор Бёгзы).

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки рисунок
монгольского художника
Н. Тумэрбатора
«Моя родина».

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. С. Шторх
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, И-427,
ул. академика
Королева, 12.
Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48.

Сдано в набор
30.XII 1970 г.
Б 05506.
Подп. к печ. 19.I 1971 г.
Формат бум. 60 × 84¹/₂.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 2717. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты
«Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47.
ул. «Правды», 24

Тереза Тутинас.
Рашид Бейбутов.
Карел Готт.
Грузинский
ансамбль
«Цицинатела».
Мичел.
Анн Корди.

Когда в Москве много гостей, путь корреспондентов «Кругозора» от одного концертного зала к другому, от одной гостиницы к другой. Короткий вопрос — короткий ответ, запись песни. Вот путь нашего корреспондента Светланы Чекрыгиной, итог которого на наших звуковых страницах.

Я спросила у польской певицы Терезы Тутинас:

— Какой из наших городов понравился вам больше других?

— Ваку. Там на Нефтяных Камнях я встречала зарю. От такой зари голова идет кругом.

Эти слова остались у меня в памяти, когда я брала интервью у популярного испанского певца Мичела:

— Как переносит человек известность? Не кружится ли от нее голова? Он ответил:

— Это могло бы случиться, не будь критики столь зоркими и прозорливыми.

А руководитель грузинского ансамбля «Дицинатела» на мой вопрос о прозорливости критиков шуливо заметил:

— Зоркость критиков значительно понижается в таком огромном зале, как Дворец спорта в Лужниках.

Мне понравилась эта круговая игра. И я продолжила ее, спросив у чешского певца Карела Готта:

— В каком зале — маленьком или большом — вы больше любите выступать?

— В маленьком приятнее петь. Возникает ощущение интимности, близости с публикой.

— А что вы думаете об интимной манере исполнения? — поинтересовалась я, беседуя с Рашидом Бейбутовым.

— Работая над старым русским романсом, я понял, что они должны исполняться только в такой манере.

Французская певица Ани Корди перевела разговор на гражданственность песни:

— Я мать, и я хочу, чтобы был мир во всем мире. Меня интересует именно круг вопросов, которым постоянно занимаетесь вы, русские. Мы, женщины, солидарны с вами, потому что на войне для матерей — только дети.

Вопрос по кругу — песня по кругу. Девятая и десятая звуковые страницы предоставлены гостям Москвы...

ДЕБЮТЫ

Десятилетняя московская школьница полюбила пение и пела, когда оставалась в одиночестве.

Особенно были привлекательны безлюдные лестницы ее дома, где голос приобрел силу и звучал красиво и широко, как в концертном зале.

Каждый раз, возвращаясь из школы, она равнодушно обходила лифт и начинала петь восхождение. На площадке первого этажа брала первую ноту и уже не умолкала, нарушая покой жильцов.

В 1966 году Жанна Бичевская окончила вечернюю школу и поступила в училище циркового и эстрадного искусства. Она училась на вечернем факультете, а по утрам учила других. Десятилетние питомцы музыкальной школы Загорская каждый раз с нетерпением ожидали своего педагога, спешащего к ним на ранней электричке.

Сейчас Жанна Бичевская — студентка пятого курса. Весной она дебютировала на радио, в передачах радиостанции «Юность». А прошлым летом, во время каникул, участвовала в гастрольной поездке эстрадного коллектива под управлением Эдди Рознера. Имя Жанны Бичевской известно пока немногим, но те, кто слышал ее пение, становятся ее друзьями. И в этом нет ничего удивительного: у Жанны своеобразный и очень обаятельный тембр голоса, большая музыкальность. Когда эти качества совпадают с музыкальной и поэтической сутью исполняемой вещи, приходит удача. Но Жанна продолжает искать самое главное — свой репертуар. Сейчас Жанне кажется, что она нашла его: она с увлечением поет старинные крестьянские песни, повсюду разыскивает их, сама переадаптирует их для голоса и гитары. Открыв для себя бесценный клад русского фольклора, Жанна мечтает принести на эстраду песню-частушку, притчу, балладу, спеть их по-своему, в сопровождении гитары.

Конечно, избранный путь может оказаться спорным. Да и сама Жанна еще не окончательно нашла это «свое»: три песни на нашей пластинке звучат по-разному — от оригинальной лиричности и мягкости «Частушки» до традиционной «русской» манеры, которая появляется в «Куманьке».

Жанне Бичевской 24 года. И лестница, по которой она однажды отправилась в путь, продолжается...

Ольга
АРЦИМОВИЧ

* ПЕРВЫЕ НОТЫ *

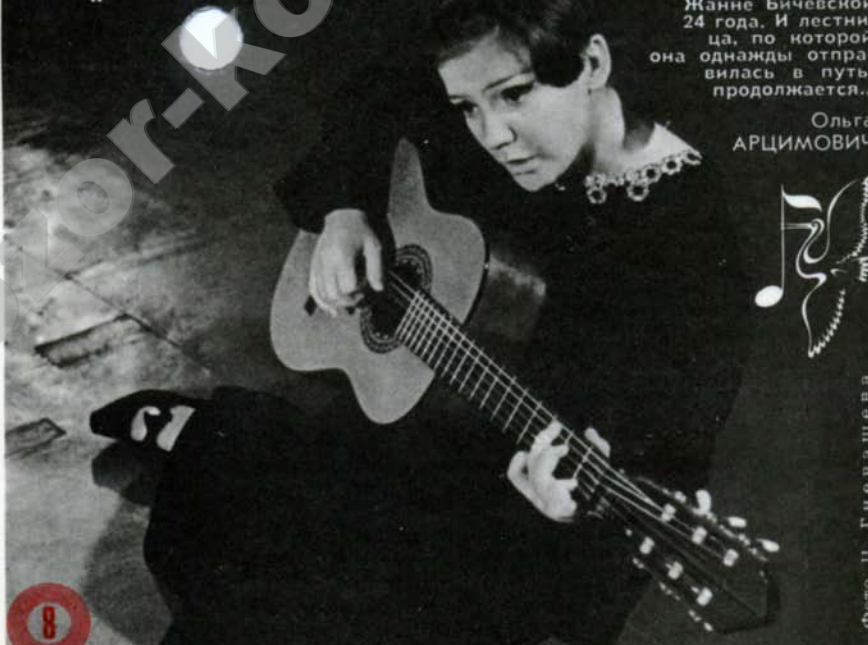

Фото И. Гневашева

ЦЭЦГЭЭ

И

РЭНЦЭНХАНД

Монголия

И тетрадной странички, пожалуй, хватило бы для краткого жизнеописания этих улан-баторских девушек. В самом деле, Рэнцэнханд расскажет о том, что она родилась двадцать четыре года назад в семье железнодорожника и ткачихи, училась в школе и здесь же, в Улан-Баторе, окончила университет. От Цэцгээ вы узнаете: ей двадцать лет, отец — экономист, она учится в педагогическом институте. Цэцгээ и Рэнцэнханд вышли к рампе на первом или втором курсе своих отнюдь не музыкальных вузов. Рэнцэнханд считает, что во всем «виноват» декан факультета, который сказал ей: «У нас будет вечер, и ты споешь». Отговорки не помогли: декан хорошо знал, что в Монголии поют все. Приблизился вечер студенческой самостоятельности, Рэнцэнханд согласилась.

На студенческих вечерах начала петь и Цэцгээ.

Так говорят... Вроде бы все просто. Но прислушайтесь к терпким интонациям песен, сочиненных композиторами Алтанхойгом и Бэгзем. В них отзвук старинного народного монгольского напева, который идет неторопливо, идет, идет — и вдруг защемит сердце от простенького, мелодического хода... А ход совсем не таной уж и простенький.

Расписные юрты пионеров монгольской эстрады Цэцгээ, Рэнцэнханд и их товарищей — Амара, Баадайжав и других — стоят в краю богатейших фольклорных россыпей, и эти драгоценности почти не тронуты. Для монгольских певиц искусство — необходимый элемент жизни. Это объясняет, быть может, еще одну черту их характера: скромность и чрезвычайно спокойное отношение к «блеску» приоткрывшейся им эстрадной карьеры. Вот уже дважды выходили они на международные конкурсы — сочинские фестивали, получали там дипломы и ободряющие напутствия, но на традиционный репортерский вопрос: «Ваши планы?» — Цэцгээ и Рэнцэнханд отвечают:

«Главная цель — учительствовать».

Б. ЭРДЭНЭ,
журналист

Материалы о МНР подготовлены редакцией журнала совместно с Государственным Комитетом, Совета Министров МНР по информации, радиовещанию и телевидению.

Бригада журналистов: Г. Адъяа, Т. Жаргал, Ш. Лувсандорж, Ц. Нацагдорж, Т. Чимэддорж, А. Гальперин, С. Зинин, И. Кунавин, Л. Лазарев.